

Юрий Левинг

**РАЗБИРАЯ БРЕД,  
ИЛИ КТО ПОМОЖЕТ ЧЕРНЫШЕВСКОМУ?**

---

“The participation of so many Russian muses within the orchestration of the novel makes its translation especially hard.”

V. Nabokov. From Foreword to *The Gift*

**В** сцену предсмертного бреда А.Я. Чернышевского вставлена малозначительная, на первый взгляд, ремарка: «Боря поможет, – а может быть и не поможет»<sup>1</sup>. Набросаем главные вопросы, которые должны возникнуть у внимательного читателя: кто этот Боря, и чем именно он может помочь умирающему герою (или его семье)? Для читателя русского оригинала само имя при первом прочтении может остаться вообще незамеченным из-за присутствия в тексте разных Борисов (Щеголева, Барского, и, в воображении критика Линева, Бориса Чердынцева). При малейшем приближении, однако, становится ясно, что А.Я. Чернышевский ни об одном из упомянутых «Борисов» знать не мог, и внутри романного пространства «Дара» с ними не сталкивался. Речь идет о персонаже ни до, ни после этого в тексте под таким именем не встречающемся. Конкретное имя, которого Ф. Годунов-Чердынцев не знает и знать не может, по мнению А.А. Долинина, показывает,

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Набоков В.* Собрание сочинений русского периода. 5 тт. СПб., 1999-2000. Т. 4, С. 486. Далее в тексте сокращенно: РСС с указ. тома и стр.

что поток сознания А.Я. Чернышевского находится вне его когнитивного горизонта, а воссоздан автором текста<sup>2</sup>. Следовательно, загадка Набокова адресована напрямую к читателю, и ключ к ней должен лежать где-то в имманентном мире романа.

При редактировании перевода «Дара» на английский язык, осуществленного Майклом Скаммелом, Набоков допустил, по его словам, минимальные изменения, главным образом, стараясь сдерживаться от соблазна начать заново переписывать куски романа<sup>3</sup>. Несмотря на безусловно достигнутую задачу, желание наложить местами ретушь, тем не менее, оставалось. В данном случае мы имеем дело как раз с одним из редких мест не просто стилистической, а смысловой авторедакции.

В английской версии предложение приобрело следующий вид: «*David might help – but then he might not*»<sup>4</sup>. Произшедшая замена требует объяснения: чем автору помешал неизвестный «Боря» и почему в качестве эквивалента им было выбрано еще менее понятное в контексте романа имя «Давид»? Понимание логики метаморфозы должно послужить одним из элементов построения более глубокой модели, представляющей несущий каркас сцены предсмертного бреда А.Я. Чернышевского<sup>5</sup>.

А.А. Долинин собрал список произведений на тему благодарности поэта творцу, входящих в ореол названия романа «Дар»<sup>6</sup>. К этому почти исчерпывающему реестру гимнов приятия дара жизни следует добавить одну важную строфу из стихотворения Аполлона Майкова «Бывало, уловить из жизни миг случайный» (1854):

---

<sup>2</sup> Электронное сообщение автору, апрель 2007.

<sup>3</sup> Scammel M. The Servile Path. Translating Nabokov by epistle // Harper's Magazine. May 2001. P. 58.

<sup>4</sup> V. Nabokov. *The Gift*. Translated from the Russian by Michael Scammell with the collaboration of the author. New York: Vintage International, 1991, p. 311.

<sup>5</sup> Пользуясь случаем, я хочу принести благодарность Райан МакЛейн, студентке моего набоковского курса, впервые обратившую внимание на несоответствие имен в англ. переводе романа.

<sup>6</sup> См.: Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина. СПб., 2004. С. 231-239; он же в: ««Дар»: Добавления к комментариям» (НОЖ, 2007, № 1).

Благодарю Тебя, Творец, благодарю,  
Что мы не скованы лжемудростию узкой,  
Что с гордостью я всем сказать могу, я – русский,  
Что пламенем одним с Россией я горю.

Майков был замечен среди поэтических учителей раннего Сирина – например, в точном, но не получившем дальнейшего развития, наблюдении Г. Струве<sup>7</sup>. Представляется, что он выступает здесь противоположным национальным полюсом «Благодарности» (1927) Довида (Давида) Кнута, чью «слегка нарочитую библейскую грубоватость» отмечал сам Набоков в рецензии на «Вторую книгу стихов» (РСС, 2:655). В поле напряжения между самоидентификацией русского и еврейского поэтов произрастает стих Годунова-Чердынцева, и мечется умирающий Чернышевский. То, что майковские строки воспринимались в культуре эмиграции как маркированные, свидетельствует и тот факт, что спустя годы они были взяты в качестве постоянного эпиграфа к толстому литературному журналу «Современник», издававшемуся в Торонто под ред. Л.И. Страховского (первый номер со строфой из стихотворения Майкова вышел в марте 1960 г.).

Сопоставление оригинала «Дара» с его переводом (*The Gift*) выявляет тенденцию «высветления» темных мест – Набоков старался облегчить некоторые трудные для англоязычного читателя эпизоды и аллюзии<sup>8</sup>. Следуя данной функции, можно

---

<sup>7</sup> Струве Г. Письма о русской поэзии. II // Русская мысль. Кн. 1-2. 1923. С. 297.

<sup>8</sup> В англ. переводе автор щедро указал имя авторов предложений или цитируемых в кавычках произведений (в русском тексте опущенных); в некоторых случаях Набоков графически разделил потоки сознания и чужую речь (пример: письма матери набраны петитом и с отбивом в англ. издании [*The Gift*, pp. 104-106], в то время как они следуют сплошным текстом в русском, что затрудняет в психологической рецепции читателя немедленную перенастройку).

допустить, что превращение Бори в Давида предполагало своей целью прояснить пассаж для понимания<sup>9</sup>, но требуется установить еще саму внутреннюю логику замены имени.

В русском оригинале романа имя Давид упоминается только однажды, в IV главе, при описании версификаторских опытов Н.Г. Чернышевского:

Он писал много, но почти все сжигал. <...> Сочинял он и стихи. По ткани своей они ничем не отличаются от тех, которые когда-то ему задавали в семинарии, когда он так перекладывал псалом Давида: **«Одна на мне лежала должность: чтобы отцовских пасть овец, и смладу петь я гимны начал, Творца чтоб ими восхвалять»** (4:465).

Центральные мотивы Псалтыря – размышления о величии человека и благодарение Творцу, а сама книга, авторство которой традиционно приписывается царю Давиду, воплощает собой непрерывный гимн благодарности создателю. Именно слово СОЗДАТЕЛЬ кажется нам ключевым для понимания связки между двумя именами. Одно из принятых обозначений имени Бога на древнееврейском языке звучит как «боре» – букв. «создатель», «творящий» (**בּוֹרֵא** = bore), паронимастически совпадая с

---

<sup>9</sup> Интерпретация, предложенная в частном сообщении А.А. Долининым, состоит в следующем: умирающий А.Я. Чернышевский думает о том, как и на какие средства будет жить его жена, и надеется, что после того, как его сбережения иссякнут, ей поможет некий состоятельный родственник Боря, ни до того, ни после того в романе не упоминающийся. Он может совпадать с тем самым похожим на Свидригайлова безмянным «чопорным господином с белокурой бородкой и необыкновенно красными губами (кажется, двоюродный брат покойного)», которого отмечает Ф. Годунов-Чердынцев на похоронах. В переводе, по мнению А.А. Долинина, Набоков заменил Борю на Давида, чтобы избежать путаницы с Борисом Щеголевым, Борисом Барским и, по Линеvu, Борисом Чердынцевым (по-русски «Боря» указывает на домашне-родственные отношения, а по-английски этот важный оттенок остается неясным) и одновременно напомнить о еврейских корнях семьи Чернышевских.

уменьшительной формой русского имени Борис<sup>10</sup>. Как бы в качестве подсказки, в предшествующем абзаце Набоков упоминает некую книгу на **арамейском** языке (PCC, 4:485). Билингвистическая паронимазия отчасти опирается на словарное определение «Бога» В.И. Далем, который в качестве первых значений указывает именно совпадающую с еврейской этимологией сему: «м. *Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Сущий, Сый, Господь; Предвечное Существо, Создатель вселенной. Слава Богу, благодаря Бога, благодарственное* восклицание, в ответ на вопрос о здоровье... Бог заплатит, спасибо, *благодарю*». Даль приводит также известные поговорки: «Помогай Бог, Бог в помощь, Бог помочь», «Авось Бог поможет». Все эти фразеологические обороты, так или иначе, возвращают нас к фразе «Боря поможет». Интересно, что в «Борисе Годунове» Пушкина искомая комбинация слов встречается как раз в контексте мотива связи поколений и восхождения наследника на трон: «Но если *бог поможет* нам вступить / На трон *отцов*». Другой пример паронимазии в «Даре», основанной на библейской лингвистической кальке, находим во фразе «Обратное превращение Бедлама в Вифлеем» (PCC, 4:257 / *The Gift*, p. 72) – от ивр. Бейт-Лехем (букв. «Дом хлеба») по созвучию с «бедлам» (хаос и безумие)<sup>11</sup>. Кстати, одним из распространенных синонимов названия Вифлеем с ветхозаветных времен является фраза «город Давида» (Лук. 2:4), по месту, в котором родился второй царь Израиля, и где был помазан на трон царь Соломон (1 Сам. 16:4-13).

---

<sup>10</sup> Совпадает с глагольной формой наст. вр. «боре»; ср. в прош. вр.: «бара» = «сотворил», как, например, во втором слове Пятикнижия (אֱלֹהֵינוּ בָרָאנוּ). Для полного совпадения имя Боря должно стоять в дательном падеже (Боре), но тогда ударение падает на первый слог (допустимо в ашкеназской устной традиции).

<sup>11</sup> Название Bedlam (сокращение от Bethlehem) носил лондонский церковный приход, который через триста лет после своего основания в 1247 г. был переоборудован в приют для лунатиков. См.: Dictionary of Phrase and Fable, E. Cobham Brewer, 1894. Русскому читателю данная история известна по комментариям к «Королю Лиру», где сын лорда Глостера Эдвард выдает себя за «Тома из Бедлама»; о связи с домом для умалишенных см. в комм. А.А. Долинина (PCC, 4:659).

Хотя сцена предсмертного бреда замаскирована под «неконтролируемый» поток сознания, она, безусловно, относится к наиболее тонко оркестрованным местам в повествовании. Сентенции вымышленного философа Делаланда, скорее всего, не имеют источника в виде конкретной интертекстуальной цитаты – они плавно перетекают в дискурс самого А.Я. Чернышевского, и в этом отношении представляют собой один смысловой блок. Было бы бесполезно и неправильно искать конкретный псалом, точно отвечающий содержанию предсмертного бреда, который является нарезкой образов и фраз из Писания. Чтобы продемонстрировать общее происхождение топоса и мотивов, целиком сопоставим один псалом (№ 138) с отрывками из бреда А.Я. Чернышевского. Хотя существуют переводы более близкие к древнееврейскому подлиннику, мы воспользуемся общепринятым синодальным переводом, который мог быть в распоряжении Набокова:

### Давид

1 Господи! Ты испытал меня и знаешь.  
2 Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты  
разумеешь помышления мои издали.  
3 *Иду ли я, отдыхаю ли* — Ты окружаешь  
меня, и *все пути мои известны Тебе*.  
4 Еще нет слова на языке моем, — Ты,  
Господи, уже знаешь его совершенно.

5 *Сзади и спереди Ты объемлешь меня, и*  
полагаешь на мне руку Твою.

6 Дивно для меня ведение [Твое], — высоко,  
не могу постигнуть его!

7 Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего  
куда убегу?

8 Взойду ли на небо — Ты там; *сойду ли в*  
*преисподнюю — и там Ты*.

### А.Я. Чернышевский

Опять же: несчастная маршрутная мысль, с  
которой давно свыкся человеческий разум  
(*жизнь в виде некоего пути*) есть глупая  
иллюзия: мы *никуда не идем*, мы сидим дома.  
Загробное окружает нас всегда, а вовсе не лежит  
в конце какого-то путешествия.

Конечно, я умираю. *Эти клещи сзади*, эта  
стальная боль совершенно понятны. *Смерть*  
*берет за бока*, подойдя сзади.

[Федору Константиновичу] было *слегка*  
*противно войти в крематорий настоящий*, где  
из-под лавров в кадках по-настоящему  
опускался при звуках многопудовой органной  
музыки *гроб с телом в образцовую*  
*преисподнюю, прямо в печь*.

9 *Возьму ли крылья зари* и переселюсь на край моря, —

10 и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя.

11 Скажу ли: "может быть, тьма скроет меня, и свет вокруг меня делается ночью";

12 но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет.

13 Ибо Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей.

14 Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои, и душа моя вполне сознает это.

15 Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем *был во глубине утробы*.

16 Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было.

17 Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их!

18 *Стану ли исчислять их, но они многочисленнее песка*; когда я пробуждаюсь, я все еще с Тобою.

19 О, если бы Ты, Боже, поразил нечестивого! Удалитесь от меня, кровожадные!

20 Они говорят против Тебя нечестиво; суетное замышляют враги Твои.

21 *Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнущаться восстающими на Тебя?*

22 *Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне.*

23 Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышления мои;

24 и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный.

Боязнь рождает благоговение, благоговение ставит жертвенник, его дым восходит к небу, там принимает *образ крыл*, и склоненная боязнь к нему обращает молитву.

Страшно больно покидать *чрево жизни*. Смертный ужас рождения. L'enfant qui naît ressent les affres de sa me`re.

Отец, директор гимназии, ректор, хозяин предприятия, царь, Бог. *Цифры, цифры*, -- и ужасно хочется найти *самое-самое большое число*, дабы все другие что-нибудь значили, куда-нибудь лезли.

Если в небесное царство входят нищие духом, представляю себе, как там весело. *Достаточно я их перевидал на земле*. Кто еще составляет небесное население? *Тьма кликуш, грязных монахов*, много розовых близоруких душ протестантского, что-ли производства, -- какая смертная скука!

Многие псалмы Давида открываются посвящением – «Начальнику хора», «Руководителю», и т.д. Набоков этот апостроф иронически переиначивает в серию синонимов: «Как-нибудь проще. Как-нибудь проще. Как-нибудь сразу! Одно усилие – и все пойму. Искание Бога: тоска всякого пса по хозяине; дайте мне **начальника**, и я

поклонюсь ему в огромные ноги. Все это земное. **Отец, директор гимназии, ректор, хозяин предприятия, царь, Бог**<sup>12</sup>. Мотив наследования отцовской миссии красной нитью пронизывает бинарные схемы в «Даре»: Давид – Соломон (из рода Переца) / Борис – Федор (Годуновы) / Константин – Федор (Годуновы-Чердынцевы). Общим знаменателем перечисленных пар является то, что все имена этого ономастикона принадлежат особам с царским титулом. Давид, Константин, Борис – исторические правители, прославившиеся соответственно в еврейской, римской и славянской историях. Царь Давид основал Иерусалим (ок. 1000 до н.э.) и подготовил строительство Первого Храма; Константин известен в качестве первого христианского императора Римской империи (313 г. н.э.); правитель Болгарии Борис (укороченное Борислав – от татарского Богорис, т.е. «боевая слава») крестил свой народ в 9-м веке. Отчасти у Набокова здесь реакция на современную моду – в 1930-е годы в литературе русского зарубежья наблюдался живой интерес к мифостроению, и многие писатели выбирали библейских и мифических героев в качестве центральных персонажей биографической беллетристики<sup>13</sup>.

Наконец, название улицы, на которой расположено похоронное бюро в «Даре»<sup>14</sup>, связано с темой отцовства-царства-наследства, которой Набоков аккуратно насыщает разные уровни повествования.

---

<sup>12</sup> Последнее предложение, состоящее из серии существительных в именительном падеже, сопоставимо устройством внутренней динамики с эпиграфом к «Дару» (внезапный рывок масштаба, метафизический *zoot out*), и в этом смысле является симметричным высказыванием.

<sup>13</sup> Царь Давид в романе Я. Донец, Самсон Назорей у В. Жаботинского, царь Ирод в романе Л. Теплицкого, граф Калиостро у И. Лукаша, старец Федор Кузьмич у П. Крупенского, князь Воронежский в романе В. Шульгина «В стране неволи» и княжна Тараканова в «Авантюристке» Д. Дмитриева, а также историко-биографические произведения Алданова и Мережковского. См. подробнее: *Глушаков П.С.* Проблемы типологии и функционирования историко-биографического жанра в литературе русского зарубежья // *Филология и человек.* № 1. 2006. С. 72-73.

<sup>14</sup> Кайзераллее – от латинского «кесарь», «цезарь», или в славянском варианте «царь».



В рассказе «Знаки и символы» через несколько лет после завершения «Дара» появится «Принц Исаак», на чью помощь также будут уповать пожилые еврейские родители умалишенного сына. Сумасшедший отец в «Даре», уже лишившийся сына, надеется на помощь Бога, царя Давида, или на милость самого Автора (ср. финалы рассказа «Облако, озеро, башня» и романа «Bend Sinister»). Оба «принц Исаак» и «Боря-Давид» персонажи закадровые, теньевые – они упоминаются третьими лицами, но так никогда и не материализуются в фабуле произведений.

Перед смертью А.Я. Чернышевский переживает очевидный кризис религиозной самоидентификации, граничащий с формой агностицизма: «[В] религии кроется какая-то подозрительная общедоступность, уничтожающая ценность ее откровений» (РСС, 4:485). Весь предсмертный дискурс Чернышевского выдержан в микрожанре ночной медитации, предполагающем поиски смысла жизни и память о близости смерти. Восходящие к античности натурфилософские рассуждения об устройстве вселенной и присутствии в ней Бога-Творца в русскую поэтическую традицию ввел Ломоносов («Вечернее рассуждение о Божиим величестве»). Их эхо отчетливо различается в ставших каноническими текстах Пушкина («Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы»), Тютчева («Бессонница»), и многих других стихах, актуализирующих вечерние службы (повечерие и полунощницу) с псалмами (в особенности 101 и 30) на темы смерти и Страшного Суда<sup>15</sup>.

Метатекстуальная рамка отрывка задается метафорой скольжения взглядом по книге на недоступном языке. Непонимание героем смысла жизни и своей духовной

---

<sup>15</sup> *Мазур Н.* О мышинной беготне, Пушкине, Марке Аврелие и об условно-функциональных контекстах // Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Р.Д. Тименчика. М.: Водолей Publishers, 2005. С. 250-260.

миссии сравнивается с существованием на полях некоего текста, чье содержание ему «абсолютно неведом» (РСС, 4:485). Тема Создателя сгущается здесь не столько в религиозном, сколько именно в квазилитературном смысле – автор изымает персонажа из действия, оставляя во фразе «Смерть берет за бока» анаграмматическую печать в виде собственного имени. С другой стороны, билингвистическая загадка *Боря/берет/bore* (по типу фонетической кальки с древнееврейского, описанной Р.Д. Тименчиком применительно к стихотворению Бориса Пастернака<sup>16</sup>) позволяет предположить, что Набоков выступает в данном случае на паритете со всемогущим автором – создателем создателя текста.

Похожую метафизическую интонацию находим в «Парижской поэме» Набокова – написанной не через несколько лет после окончания «Дара», как принято считать, а фактически одновременно с ним<sup>17</sup>. Субъект текста в поэме переводит взгляд от черной воды к вечернему небу:

А вверху – там неважные вещи.

Без конца. Без конца. Только муть.

Мертвый в омуте месяц мерещится.

*Неужели я тоже? Забудь.*

*Смерть еще далека (послезавтра я*

*все продумаю), но иногда*

---

<sup>16</sup> В стихотворении Б. Пастернака «Степь» монотонная рифма в нагнетаемом краегласии «разрешит», «запорочит», «парашют», и т.п. звукоподобием имитирует сакральный зачин – «берешит» (בראשית = «В Начале...»). Как показал исследователь, слова эти были на слуху евреев и неевреев от М.О. Цетлина до В.В. Розанова. См.: Тименчик Р.Д. Расписание и Писанье // Themes and variations. In honor of Lazar Fleishman. Stanford. 1994. С.70.

<sup>17</sup> Используемая сегодня датировка поэмы (принадлежащая самому Набокову) – Кембридж, 1943 год – не точна. Из корреспонденции следует, что над текстом «Парижской поэмы» Набоков начал работать уже в 1937 г. (именно тогда он цитирует строки из нее в неопубликованной переписке с И. Гуаданини).

*сердцу хочется «автора, автора».*

В зале автора нет, господа.<sup>18</sup>

Вопрос и ответ здесь буквально совпадают с бормотанием увядающего Чернышевского: «*Неужели все мои знакомые это проделают? Невероятно!*» (РСС, 4:486). Нельзя забывать, впрочем, что Набоков отнюдь не разделяет религиозной нечувствительности своего героя и потому снижает его последние мучения и намек на прозрение («Конечно, ничего потом нет») пародийной подслеповатостью и глухотой. А.Я. Чернышевский пребывает в уверенности, что за окном идет дождь, тогда как там просто поливают цветы, и на самом деле сияет солнце.

Не случайно, что название первой библейской книги проступает в последней строке романа, в его псевдоонегинской строфе, переходящей **в начало**: «продленный призрак *бытия* синее за чертой страницы...». Библейская ткань просвечивает сквозь текст романа, оказавшегося поэтическим и прозаическим завещанием Сирина русской литературе перед переходом автора в иноязычное бытие. Финал «Дара» имитирует книгу книг русской литературы – бессмертный пушкинский роман о творении и творчестве, а его главный герой предстает подобием Адама, дающего в своем «первобытном рае» имена животным и первофеноменам<sup>19</sup>.

---

<sup>18</sup> В.В. Набоков. Стихотворения. Новая Библиотека Поэта. Вступ. ст., сост., подг. текста и прим. М.Э. Маликовой. СПб., 2002. С. 213. Далее следует программная для Набокова идея «жизни, богатой узорами», которую можно сложить как «дивный ковер».

<sup>19</sup> Ср. в «Даре»: «...когда в эти жаркие, летние будни я направлялся в южную сторону [Груневальда], в глушь, в дикие, тайные места, я испытывал не меньшее наслаждение, чем если бы в этих трех верстах от моей Агамемнонштрассе находился *первобытный рай*. Дойдя до одного излюбленного уголка, сказочно совмещавшего свободный поток солнца и защиту кустарника, я раздевался донага... [и] чувствовал себя атлетом, тарзаном, *адамом*, всем, чем угодно, но только не голым горожанином». (РСС, 4:508).

И Боря, и Давид – авторские эманации, маски писателя-Демидурга, который способен помочь герою там, где кончается последняя строка.

